

ЭНДРЮ ТЕЙЛОР

Пондоч
В ОГНЕ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Т 30

Andrew Taylor
THE ASHES OF LONDON
Copyright © Andrew Taylor, 2016
All rights reserved

Перевод с английского Анны Осиповой

Оформление обложки Ильи Кучмы

Карта выполнена Юлией Каташинской

ISBN 978-5-389-23600-4

© А. Д. Осипова, перевод, 2023
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

От автора

1 сентября 1666 года Лондон был третьим по величине городом в европейском мире после Парижа и Константинополя. Оценки разнятся, но, по всей видимости, численность его населения составляла примерно 300–400 тысяч человек.

В городе было три основных центра политической власти, рассредоточенные по северному берегу Темзы — так же, как и сейчас. Богатство торгового сословия было сконцентрировано в окруженном стеной средневековом Сити между Тауэром на востоке и собором Святого Павла на западе. В миле от Сити, вверх по течению, за Чаринг-Кросс, раскинулся Уайтхолл, дворец Тюдоров и Стюартов: это была главная лондонская резиденция короля и средоточие исполнительной власти государства. А за Уайтхоллом располагался Вестминстер, где в бывшем королевском дворце заседал парламент.

Река связывала эти центры власти и позволяла легко перемещаться из одного в другой. А вокруг постоянно росли предместья. Лондонский мост — в то время между ним и мостом в Кингстоне в десяти милях выше по течению других мостов не было — связывал Сити с Саутуарком на южном берегу Темзы, а сам по себе Саутуарк размерами мог сравниться со многими городами XVII века. К тому же река являлась главной торговой артерией, причем это касалось как внутренней, так и внешней торговли.

В 1660 году Карл II вернул себе трон, и большинство его подданных ликовало. За предыдущие двадцать лет сотни тысяч человек погибли во время Гражданской войны между короной и парламентом, жертвой этого конфликта стал и отец Карла, которого в качестве эффектного символа казнили перед его же собственным Банкетным домом, особняком для приемов на территории дворца Уайтхолл. Затем Оливер Кромвель при поддержке армии установил в стране беспощадный и кровавый, но эффективный режим. Однако, когда в 1658 году Кромвель скончался, Английская республика быстро развалилась, и Реставрация — восстановление монархии — казалась единственным осуществимым способом объединить государство.

Но через шесть лет восторги поутихли. Расточительность двора короля приводила в ужас и возмущала его более здравомыслящих подданных. Религия стала постоянным источником конфликта: англиканская церковь, восстановленная вместе с монархией, относилась крайне недоверчиво к несогласным с ней протестантам, на которых опирался Кромвель. При этом обе стороны ненавидели католиков: в представлении рядового обывателя те плели заговоры в родной стране и являли собой образец лютой злобы и коварства за рубежом. Правительству постоянно не хватало денег, в связи с чем проводимая им политика все время натывалась на препятствия. В довершение всех бед столицу неоднократно поражала чума: в 1665 году, во время самой опасной вспышки заболевания, уровень смертности достиг шокирующего показателя — умер каждый пятый житель Лондона.

Но, несмотря на все это, Лондон рос и процветал. И вдруг 2 сентября 1666 года в пекарне на Паддинг-лейн, в самом сердце густонаселенного старого Сити, начался Великий пожар...

I
Пепел и огонь

4–8 сентября 1666 года

ГЛАВА 1

Хуже всего был шум. Не треск пламени, не взрывы и грохот рушившихся зданий, не крики и нескончаемая барабанная дробь или стоны и вопли толпы, а рев огня. Он завывал, будто сам Великий зверь, пришедший в ярость.

Часть крыши нефа провалилась. Ошеломленная толпа ненадолго затихла.

Если бы не это, я бы не услышал всхлипов где-то у моего локтя. Эти звуки издавал мальчик в рваной рубашке, только что протолкавшийся сквозь толпу. Он покачивался — того и гляди упадет.

Я дотронулся до его руки:

— Эй, ты.

Паренек вскинул голову. Казалось, его большие глаза ничего вокруг не видят. Мальчик дернулся, будто хотел убежать, но народ обступил нас со всех сторон. Половина лондонцев, начиная с короля и герцога Йоркского и заканчивая простолюдинами, собралась, чтобы посмотреть на предсмертную агонию собора Святого Павла.

— Тебе дурно?

Мальчика все пошатывало. Я взял его за руку, но он тут же высвободился. Съездившись, он попытался ввинтиться между людьми, стоявшими впереди.

— Да стой ты на месте, — обратился я к нему. — Ближе подойдешь — поджаришься.

Мальчик протиснулся мимо стоявшей рядом женщины и встал с другой стороны от нее. Мы трое стояли рядком, пытаюсь что-то разглядеть из-за мужских спин впереди.

Основная часть толпы, и король со свитой в том числе, собралась на церковном дворе к северо-востоку от собора. А мы с пареньком стояли на Ладгейт-стрит к западу от портика. Я задержался по пути в Уайтхолл, а ведь я должен был явиться туда еще час назад: меня вызвал сам господин Уильямсон, а такого человека нельзя заставлять ждать.

Но разве можно оторвать взгляд от подобного зрелища? Оно поражало воображение настолько, что трудно было поверить своим глазам.

Пока что здесь нам ничто не угрожало — если не подходить слишком близко. Некоторые здания между нами и собором Святого Павла снесли в надежде остановить огонь, поэтому холм, на котором стоял собор, хорошо отсюда просматривался. Но пожалуй, надолго здесь задерживаться не следовало. Дым и жар уже сейчас обжигали мои легкие так, что было тяжело дышать.

Хотя на севере и юге пламя перекинулось на другую сторону Флит-Дич, на самой Флит-стрит еще было безопасно, и можно было не бояться, что путь к отступлению будет отрезан. Огонь распространялся со скоростью около тридцати ярдов в час, и точно так же он продвигался с тех пор, как Пожар вспыхнул рано утром в воскресенье. Однако наперед загадывать трудно. Что, если ветер опять переменится? Искры могут отлететь на сотню ярдов, а то и дальше, и нужно только, чтобы им попала подходящая растопка. У огня свои законы, человеческим правилам он не подчиняется.

Реки из расплавленного металла просачивались между колоннами и стекали по ступеням собора. В густой сереб-

ристой жидкости отражались всполохи — золотистые, оранжевые, всех цветов преисподней. Это вытекал наружу свинец, лившийся с пылавшей крыши на пол нефа.

Обезумевшие крысы разбегались в разные стороны. Они пронеслись по мостовой так стремительно, что только искры в шерсти мелькали, но некоторые из них уже были охвачены огнем. Другие оказались слишком стары, слабы или малы, чтобы спастись бегством, и поджаривались заживо. Я видел, как три крысы попали под серебристый дождь и не смогли выбраться. Сначала они визжали, потом их тела съежились, и они погибли.

Несмотря на поздний час и дымовую завесу, окутавшую город, из-за яркого зарева казалось, будто сейчас полдень. К тому времени — вторник близился к концу, было восемь или девять часов вечера — собор светился изнутри, словно гигантский фонарь. Даже агонизируя, он выглядел величественнее всех прочих строений вокруг.

Я взглянул влево, за спину женщины рядом со мной, на запрокинутое лицо мальчика. Всполохи пламени придавали его облику нечто нечеловеческое: они будто выжгли всю жизнь, оставив лишь четкий оттиск, напоминавший профиль на монете.

Огонь всегда завораживает, а по сравнению с этим Пожаром его предшественники бледнели. С утра воскресенья я наблюдал, как пылает город. Я помнил Лондон столько же, сколько самого себя. В каком-то смысле в пепел обращалось мое прошлое.

Однако, как ни удивительно, это зрелище пробуждало во мне странный восторг. Какая-то часть меня наслаждалась им. И вместе с тем я думал: «Теперь все должно измениться».

Никто всерьез не верил, что пламя доберется до собора Святого Павла. Он считался неприступным. Расположен-

ный на вершине холма, он столетиями возвышался над Сити и предместьями. Собор был настоящим гигантом — почти шестьсот футов в длину. При старой королеве шпиль упал, и его так и не восстановили. Однако башня осталась, и собственно церковь от нового портика на западе до высокого клироса на востоке поднималась над землей более чем на сотню футов. А сквозь массивные стены не могло проникнуть ничто.

Кроме того, все говорили, что Божья рука защищает собор Святого Павла, ведь огонь уже много раз мог к нему подступить. К востоку от нас пламя уже поглотило школу при соборе вместе с ее величайшими библиотеками: львиная доля моего отрочества прошла там, и меня не слишком опечалила эта утрата. Но до сегодняшнего вечера пламя бушевало вокруг церкви, однако сама она оставалась нетронутой. Собор Святого Павла всегда считался чем-то большим, чем просто церковь или храм: он являлся воплощением самого Лондона. Здесь душа города, и она неуязвима.

Сегодня я надел плащ — нарядный, но не лучший — и, прежде чем отправиться сюда, предосторожности ради окунул его в Темзу. На собственном горьком опыте я убедился, что даже слабая защита от жара и дыма лучше, чем ничего, к тому же я бы, наверное, изнывал от зноя даже без плаща.

Изнутри здания донесся мощный рев. Сгусток пламени взметнулся вверх над клиросом. Огонь вырвался наружу через оконные проемы. Толпу обдало волной раскаленного воздуха. Люди отпрянули.

— Боже мой, — произнес мальчик тонким, исполненным муки голоском. — Крипта загорелась.

Мужчина впереди бросил свою шляпу на мостовую и принялся топтать ее. Он раскинул руки, и из его груди

вырвался надрывный стон. Друзья попытались его унять. Это был Мэйкок, печатник.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло», — подумал я. По крайней мере, господин Уильямсон будет доволен.

Мэйкок, как и многие его товарищи, хранил свои самые ценные книги, бумаги и кассы с литерами в крипте собора, где располагалась приходская церковь печатников — церковь Святой Веры. Они предприняли все меры предосторожности: заперли двери на замки и засовы, законопатили каждую щель, через которую внутрь могла проникнуть искра или сквозняк. Даже если собор обрушится им на головы, рассуждали они, книги в церкви Святой Веры спокойно пролежат под полом целую вечность.

Но так же, как и все остальные, они не учли силу и своеобразие ветра. Из-за него вспыхнули склады на церковном дворе. А потом ветер перенес искры от них и от горевших поблизости зданий на крышу над клиросом. Эту крышу чинили уже несколько месяцев, и в тех местах, где свинец был поврежден, прорехи закрыли голыми досками, иссохшими за время засушливого лета. Кружась в воздухе, искры подлетали к ним, а на горячем воздухе доски вскоре воспламенились.

Ветер раздул огонь, и балки, поддерживавшие крышу, запылали. Старый дуб разгорелся жарко, словно битумный уголь. Своды церкви не выдержали жара, и огромные камни рухнули на клирос и в неф. Церковь была сплошь уставлена деревянными лесами, сыгравшими роль растопки. Через каких-то несколько минут внутри уже все пылало.

Выходит, огонь каким-то образом проник и в крипту. Должно быть, дождь из падающих с потолка камней пробил пол клироса. Книги и бумаги, хранившиеся внизу, в церкви Святой Веры, в один миг поглотила огненная стихия.

Вокруг нас тут же стало жарче.

Стоявшая рядом женщина повернулась ко мне:

— Не дай бог, чтобы кто-то там остался.

Голос женщины прозвучал так близко от моего уха, что я кожей почувствовал ее дыхание.

Собор раскалился, будто печь, и уцелеть в нем было невозможно. Жар чувствовали даже мы, и он становился все сильнее. Любой, кто сейчас внутри, либо уже мертв, либо умирает, как те крысы.

Печатник Мэйкок рухнул на мостовую. Друзья взяли его за руки и за ноги и оттащили. После того как они ушли, мальчик, женщина и я оказались в первом ряду.

— Смотрите! Крыша!

Вскинув руку, женщина указала на собор. Ее лицо было залито светом, будто исходившим от божественного видения. Я поглядел в ту сторону. С того места, где мы стояли, был виден юго-западный угол собора, где к нефу жалась маленькая церковь Святого Георгия.

Крыша провалилась с грохотом, заглушившим треск пламени. Раздался пронзительный животный вопль.

Мальчик выбежал вперед и кинулся к собору Святого Павла.

Я крикнул ему:

— Стой!

Но бушующий пожар заглушил мой голос. Выругавшись, я поспешил за ним. Меня обдало волной жара. Я почувствовал запах опаленных волос и обугленной плоти. Казалось, легкие пылали.

Мальчик протягивал руки — к собору? К чему-то или кому-то, кто остался внутри?

Мои шаги шире его шагов, и через двадцать-тридцать ярдов я схватил паренька за плечо и развернул к себе, сбив у него с головы шапку. Обхватив мальчика правой рукой, я потащил его прочь.

Он вырывался. Я схватил его крепче. Он лягал меня по ногам. Я дал ему крепкий подзатыльник, и на некоторое время мальчик затих.

Вокруг нас дождем сыпались искры: их принес свирепый ветер, раздувший пламя. Мы оба заходились в кашле. Спереди на рубашке паренька танцевал язычок пламени. Я прихлопнул его ладонью, но на широком рукаве тут же появился второй. Наконец мальчик сообразил, какая опасность ему угрожает, и вскрикнул в голос. Я сорвал с себя плащ и укутал его тощее тельце, чтобы потушить огонь.

Толпа расступилась, а я все тащил мальчишку прочь от жара. Возле таверны с запертыми ставнями в той части Ладгейта, что относилась к Сити, я укрылся вместе со своей ношей за приступкой, с которой садятся на лошадей. Я ударил паренька по лицу: сначала по одной щеке, потом по другой.

Он открыл глаза, сбросил плащ и оскалился, будто рассерженный кот.

— Боже правый, — произнес я. — Ты чуть не погубил нас обоих, глупый ты юнец.

Мальчишка поднялся на ноги и устремил взгляд на собор Святого Павла.

— Тут уж ничего не поделаешь, — заверил его я, стараясь перекрычать рев огня и грохот рушившегося здания. — Не в наших силах остановить огонь.

Паренек снова привалился спиной к стене. Глаза его были закрыты. Наверное, опять сознание потерял. Убрал плащ, чтобы не мешал, я усадил мальчика на приступку. Его рубашка больше не тлела, прорех на ней не было, если не считать разорванного ворота.

Паренек все кашлял, но уже не так сильно. Даже здесь, в стороне от пожара, было светло как днем, но такое яркое, мигающее оранжевое зарево скорее ожидаешь увидеть в разгар Армагеддона, перед самым концом времен.

Я впервые разглядел мальчишку как следует. Заметил на его тощей шее черное пятно то ли сажи, то ли грязи. В распахнутом воротах виднелись впадины под ключицами. Кожа мальчишки блестела от пота, в огненном сиянии вокруг нас она казалась оранжевой.

А потом я заметил две безупречные округлые груди.

Я растерянно уставился на них. Собор Святого Павла пылал, на улице царил толчея, отовсюду раздавались оглушительные хлопки, рев пламени и грохот рушившихся зданий. Но в тот момент я ничего вокруг не видел, кроме мальчишки.

Хотя какой же это мальчишка?..

Я распахнул ворот шире.

Нет, передо мной не мальчик — но и не девочка. Судя по тому, что я увидел выше пояса, это молодая женщина.

Ее глаза были открыты, и наши взгляды встретились. Я выпустил ее рубашку. Она встала. Ее макушка не доставала мне до плеча. Девушка схватила мой плащ, спеша прикрыться. Несмотря на собравшуюся вокруг толпу, создавалось ощущение, будто мы с ней одни: остальные не сводили глаз с собора Святого Павла.

— Что вы делаете? — потребовала ответа незнакомка.

Нищенки или уличные девки так не разговаривают. Вопрос был задан тоном госпожи, обращающейся к горничной. Причем госпожа в дурном расположении духа, а горничная допустила непростительную оплошность.

— А сами как думаете? — произнес я. — Спасая вам жизнь.

Будто в подтверждение моих слов, от собора донесся резкий треск, и часть фронтона портика рухнула вниз с грохотом, от которого содрогнулась земля. Каменные блоки превратились в облако из обломков и пыли.

— Откуда вы? — спросил я. — Кто вы? И почему...

Она отвернулась и зашагала прочь.

— Стойте! У вас мой плащ.

Я схватил ее за руку и притянул к себе. Девушка поднесла мою руку к губам. На какой-то момент мне в голову пришла безумная мысль: сейчас она ее поцелует. Видимо, в знак благодарности за свое спасение.

И тут сверкнули белые зубы. Они вонзились в мою руку прямо под нижней костяшкой указательного пальца. Зубы вошли глубоко, достав до сухожилия и кости.

Я вскрикнул и выпустил ее.

Девушка бросилась бежать через толпу на Ладгейт-хилл. За ее плечами развевался мой плащ. Я стоял, глядя ей вслед и держась за укушенную руку. Мне ужасно хотелось пить. Голова раскалывалась от боли.

Во время Великого пожара я видел много такого, что противоречило обычаям и природе, здравому смыслу и Закону Божьему, и все это, казалось, предвещало новые бедствия, еще страшнее нынешних. Люди ученые называют подобные явления «monstra», относя к ним и чудеса, и необыкновенные дарования, и дурные знаки. Гибель собора Святого Павла — одно из таких предзнаменований.

Но той ночью, когда я уснул, во сне мне явилось вовсе не пламя и не рушившиеся здания. Мне приснился мальчик с женским лицом и широко распахнутыми глазами, которые ничего вокруг не видели.

ГЛАВА 2

Пепел и кровь. Ночь за ночью.

Спал я урывками, а когда проснулся наутро после того, как огонь добрался до собора Святого Павла, перед моим мысленным взором стояли пепел и кровь. По тусклому свету я понял, что еще рано, едва рассвело.

Но я думал не о горячем пепелище, в которое вчера превращался город, и не о крови на моей руке, когда мальчик, то есть девушка укусила меня.

Эта кровь капала с отрубленной головы. А что касается пепла, то он был вовсе не горячим, а холодным. Плачущий мужчина посыпал им свою голову.

Тогда я был ребенком, и потом мне снились кошмары: несколько месяцев я просыпался с криками, ночь за ночью. Моя мать, самая кроткая и покорная из жен, ругала отца за то, что позволил сыну стать свидетелем подобного зрелища.

— Со мной тоже когда-нибудь так сделают? — спрашивал я у матушки.

Ночь за ночью.

И вот сегодня, летним утром много лет спустя, я услышал трель черного дрозда. Раздался скрип — это мой отец заворочался в постели.

— Джеймс, — произнес он своим старческим голосом, слабым и хриплым. Теперь батюшка спал плохо и просыпался рано, жалуясь на дурные сны. — Джеймс! Ты не спишь? Почему так жарко? Давай погуляем в саду. Там наверняка прохладнее.

Даже здесь, на окраине Челси, небо было серым от пепла, а восходящее солнце казалось оранжевой кляксой. Воздух уже успел прогреться. Пахло золой.

Одевшись, я размотал бинт на левой руке. Кровотечение прекратилось, но рана болезненно пульсировала. Снова перевязав руку, я помог отцу спуститься по узкой лестнице, надеясь, что мы не разбудим Ральстонов.

Мы прохаживались по фруктовому саду, и отец опирался на мою правую руку. Деревья отяжелели от плодов: в основном яблок, груш и крупных слив, но попадались здесь и мелкие черные сливы, и грецкие орехи, и мушмула. На траве еще лежала роса.

Отец, шаркая, брел рядом со мной.

— Почему вокруг так темно?

— Из-за Пожара, сэр. Повсюду дым.

Нахмурившись, батюшка поглядел на небо:

— Но ведь снег идет.

За ночь ветер немного поутих, и теперь он дул не с востока, а с юга. С неба густо падали темные хлопья, порхая и кружась, будто пьяные танцоры.

— Черный снег, — проговорил отец и, хотя утро даже в этот ранний час было теплым, зябко поежился.

— У вас разыгралось воображение, сэр.

— Грядет конец света, Джеймс. Я же тебе говорил, что все к тому идет. Порочность королевского двора погубила нас. Сие предначертано, а значит, так тому и быть. Нынче тысяча шестьсот шестьдесят шестой год. Это знак.

— Тише, отец.

Я оглянулся через плечо. Даже здесь вести подобные разговоры было не только глупо, но и опасно, особенно для такого человека, как мой отец: его свобода и без того висела на волоске.

— Это не снег, а всего лишь бумага.

— Бумага? Чушь! Бумага белая. Бумага с неба не сыпается.

— Она сгорела. Печатники хранили свои бумаги и книги в крипте собора Святого Павла. Но внутрь проник огонь, и теперь ветер приносит обрывки даже сюда.

— Снег, — бормотал отец. — Черный снег. Еще один знак.

— Бумага, сэр. Бумага, а не снег.

Я сам услышал, как сердито прозвучал мой голос. Лучше бы мне было промолчать. Я даже не заметил, а почувствовал, как во взгляде моего отца отразилось смятение: малейшие признаки злости или раздражения расстраивали старика, порой доводя его до слез.

Уже мягче я прибавил:

— Давайте я вам покажу.

Я наклонился и поднял обрывок обугленной бумаги — угол страницы, на обгоревшей поверхности которой можно было с трудом различить несколько напечатанных слов. Я протянул обрывок отцу:

— Видите? Никакого снега, одна бумага.

Отец взял листок и поднес к глазам. Его губы беззвучно зашевелились. Он до сих пор был способен разобрать даже самый мелкий шрифт при слабом свете лучины.

— Что я говорил? — оживился отец. — Судный день близок. Вот и новый знак. Прочти.

Он протянул обрывок мне. Я понял, что передо мной нижний правый угол страницы. На нем можно было раз-

Тейлор Э.

Т 30 Лондон в огне : роман / Эндрю Тейлор ; пер. с англ. А. Осиповой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 512 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-23600-4

ГОРОД В ОГНЕ. Лондон, 1666 год. Великий пожар превращает улицы в опасный лабиринт. В развалинах сгоревшего собора Святого Павла находят тело человека со смертельным ранением в затылок и большими пальцами рук, связанными за спиной, — это знак цареубийцы: одного из тех, кто некоторое время назад подписал смертный приговор Карлу I. Выследить мстителя поручено Джеймсу Марвуду, клерку на правительственной службе.

ЖЕНЩИНА В БЕГАХ. Марвуд спасает от верной гибели решительную и неблагодарную юную особу, которая ни перед чем не остановится, чтобы отстоять свою свободу. Многим людям в Лондоне есть что скрывать в эти смутные времена, и Кэт Ловетт не исключение. Как, впрочем, и сам Марвуд...

УБИЙЦА, ЖАЖДУЩИЙ МЕСТИ. Когда из грязных вод Флит-Дич вылавливают вторую жертву со связанными сзади руками, Джеймс Марвуд понимает, что оказался на пути убийцы, которому нечего терять и который не остановится ни перед чем.

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭНДРЮ ТЕЙЛОР
ЛОНДОН В ОГНЕ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Светлана Прохвятилова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Людмила Дубовая, Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.08.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 31,36.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-A88-32552-01-R